

Ярослав Леонтьев (историк)

Добрый вечер. Главный положительный итог сегодняшнего собрания, несмотря на множество проблем, - сам факт состоявшегося разговора, сопоставления разных точек зрения. Я думаю, что это только начало большого и сложного разговора. Это назрело, также как назрели и другие общественные дискуссии, - например выяснение грани между националистами и нацистами, и другие. Возникает много вопросов не только о том, что такое политзаключенные. Это очень размытый термин. Но и термин «правозащитник» тоже размыт.

Есть давно появившийся Правозащитный центр «Мемориал» и вновь появившийся Правозащитный центр «Русский вердикт». Само их появление – нормально, но есть неопределенность. Как историк могу дать справку, что когда появляется традиция политической правозащиты, актуальны попытки определения статуса политзаключенного. Здесь первенство в российской истории принадлежит «Народной воле», которая последовательно отстаивала этот статус. Народовольцы явочным порядком создают свой политический Красный крест (названия варьировались). Они апеллируют к Женевской конвенции 1864 года, трактуя своих заключенных, как солдат революции, которые борются с существующим порядком.

В новейшей европейской истории как будто почти нет политзаключенных. Но хочется спросить: а как же Rote Armee Fraktion? «Красные бригады» в Италии и упомянутая здесь ИРА, Ирландская республиканская армия? Я согласен, что все дело в общественном мнении: оно определяет в тот или иной период состав политических заключенных.

Посмею поспорить с г-ном Борщевым, который сказал, что большинство не считает Тихонова и Хасис политическими заключенными. Возможно, только в этом зале это справедливо. Но, думаю, что есть немалое сообщество, признающее их таковыми в силу разных причин: от неосведомленности до прямой идеологической поддержки. Такое общественное мнение было создано присутствовавшим здесь адвокатом Васильевым и еще находящейся здесь Натальей Холмогоровой. Теперь об определении в этом деле: были ли политические мотивации у власти? Несомненно, они были. Если Тихонов и Хасис осуждены, допустим, не за те деяния, которые совершили в действительности, все равно в вердикте присяжных фигурирует их принадлежность к некой организованной преступной группе лиц. Как известно, он [Тихонов] хранил целый арсенал оружия этой группы, а два пистолета, а не один, возможно, планировалось использовать для разных убийств. Есть сомнения, но есть и совокупность доказательств. Общественное мнение должно решать, как их соотносить. (С.Ковалев: Почему же общественное мнение?) Понимаете, Сергей Адамович, потому что оно решает в контексте ситуации... (Ведущий напоминает об окончании регламентного времени).

Последних два обстоятельства. Другой пример – дело Сергея Климука, который совсем недавно озвучивалось на конференции в Независимом пресс-центре. Там тоже есть большие сомнения в доказательной базе, но в Интернете открытым текстом вывешены интервью самого осужденного Климука, где он открыто рассказывает о своем участии во взрыве на Черкизовском рынке. Если и это сфальсифицировано, то почему же он сам это не опровергает?

И самое последнее, чем хочу закончить. Такие дела, как дело Тихонова и Хасис, несомненно станут барометром и камнем преткновения при рассмотрении в будущем экспертном совете. Исторической аналогией здесь является конечно дело Бейлиса. Я надеюсь, что в будущем такой совет будет сформирован, то он не будет играть в таких делах краплеными картами. Он не будет объявлять Тихонова общественным деятелем, которым он ни в коем роде не был.

Был такой замечательный русский националист – Василий Витальевич Шульгин, которого не убедило то, что происходило вокруг дела Бейлиса... (шум в зале).

Ведущий (Олег Орлов):

Ярослав, вы говорите уже 10 минут, я буду вынужден отключить микрофон. У нас еще целых шесть человек, на каждого строго по пять минут. Господа, не выходим за регламент. Извините, пожалуйста. Максим Громов.